

ЛЕНИНГРАДЦЫ —
ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

ВОЛШЕБСТВО, РОЖДЕННОЕ ТРУДОМ

В САМОМ начале пятидесятих годов на сцене Театра оперы и балета имени С. М. Кирова появилась молодая танцовщица. Ее стройный силуэт удачно вписался в линии кордебалета, а вскоре прекрасная школа, изящество облика стали выделять из всех недавнюю выпускницу Хореографического училища. Среди множества белотониковых фигур Ирина Колпакова отличалась своими приметам: миниатюрная голова, лицо с нежными чертами, тонкая лепка рук, удлиненные пропорции ног — все складывалось в облик лирической героини.

Но сразу героиней она не стала.

Молодая танцовщица прошла многие ступени репертуарной лестницы. Кордебалет, четверки, вариации были естественным продолжением школы, восхождением к высотам профессии, к которой она с детства относилась сосредоточенно и серьезно, так, будто всегда знала, что в основе искусства лежит ремесло, что не стать мастером тому, кто его не постигнет.

Уже тогда танец И. Колпаковой был прозрачен, легок, хотя и не смел. Иногда он разочаровывал однообразием. Радавались упреки в чрезмерной озобоченности техникой. Профессиональная добросовестность, казалось, мешала танцовщице проявить себя полнее. А ведь именно молодым свойственно рушить каноны. Но И. Колпакова не поддавалась соблазнам, прежде всего потому, что разлада с канонами не было. Напротив, лучшая ученица последнего выпуска А. Я. Вагановой, она верила в «хрестоматийный танец». Классическая хореография, законы ее условности, ее беспредельная выразительность были теми идеалами, к которым она стремилась, воплотить которые мечтала. И мечты начали сбываться. Она стала одной из лучших исполнительниц партий принцессы Флорины в «Спящей красавице», поведительницы драид в «Дон-Кихоте», сальфиды в «Шопениане». В каждой фразе этих хореографических шедевров сказывались

природная грация, чувство формы, меры, рождая ощущение покоя и эстетического наслаждения. Казалось, будто в облике танцовщицы на сцене появлялась нежная, хрупкая, еще только расцветающая юность. Так определялась лирическая суть дарования И. Колпаковой. А вскоре она уже осваивала наследие — танцевала Машу в «Щелкунчике», Марию в «Бахчисарайском фонтане», Аврору в «Спящей красавице».

Наступали годы, переломные для советского балета. Шли поиски форм музыкально-хореографической драматургии, способных отражать жизнь средствами танца. Это было стремление вернуться к хореографической специфике, преодолеть чуждое балетному театру «правдоподобие», чередующее пантомиму и оправданные бытом танцы. Вот когда нужны были художники, истово верящие в классический танец, в его беспредельную выразительность и непреходящую красоту. Вот когда особую ценность приобрели исполнители, стремящиеся не к наполнению текста собою, а к точному, не упускающему ни одного нюанса донесению до зрителя хореографического оригинала. И. Колпакова была наиболее яркой выразительницей именно этого типа актерского мастерства и потому оказалась среди тех, кто осваивал новые пути советского балета.

Начинающий тогда балетмейстер Ю. Григорович предложил ей роль Катерины в балете С. Прокофьева «Каменный цветок». И танцовщица чистого классического стиля входила в состояние, далекое от привычного: линии ее танца обретали мягкую проделенность, в движении вводились штрихи национальной характеристики. Постепенно точно

воспроизведенная хореография наполнялась теплотой, искренностью, мягкостью русского женского характера.

Вскоре И. Бельский поставил балет на современную тему. Это был «Берег надежды» композитора А. Петрова. Здесь И. Колпакова предстала то девушкой — рыбачкой, то ставившаясь в образе чайки олицетворением мечты, зовущей на подвиг. Это была победа советской хореографии в стремлении вывести на балетную сцену героя — современника. И среди тех, кто добивался этой победы, заметное место принадлежит И. Колпаковой.

О высочайшем уровне, на который поднялся ленинградский балет в конце 1950—1960-х годов, свидетельствовал новый спектакль, поставленный Ю. Григоровичем, — «Легенда о любви» на музыку А. Меликова. И снова И. Колпаковой поручена партия лирической героини — принцессы Ширин. Балет явился творческим взлетом хореографа, всех других создателей спектакля. И открытием среди них стала Ширин И. Колпаковой. «Так значит я в звезду влюбился», — говорит Ферхад у Н. Хикмета. И. Колпакова и впрямь светилась и мерцала в голубых сумерках, как звезда, сошедшая с небосклона. Ее танец возникал будто импровизационно — по ходу событий, по велению чувств, переливался множеством эмоциональных оттенков. Ширин И. Колпаковой — воплощение любви прекрасной, неотвратимой, всепоглощающей и недосягаемой вовеки.

Образы Катерины, Его любимой, Ширин вывели И. Колпакову в ряд лучших исполнительниц советского балета. В них проявились не только черты индивидуальности балери-

ны, ее талант, профессионализм, но и ощущение современности, сказавшееся в психологических мотивировках, в исполнительской манере.

И. Колпакова остро чувствует время. Ее талант, воспитанный балетными традициями, развивается вместе с хореографией, и потому балерина всегда в авангарде поступательного движения. Она и теперь охотно сотрудничает с молодыми балетмейстерами, не исключая и начинающих. Ева в «Сотворении мира» Н. Касаткиной и В. Васильева, Юлия в «Ромео и Юлии» И. Чернышева, Неле в «Тиле Уленшпигеле» В. Елизарьева, образы в миниатюрах Л. Лебедева, Д. Брянцева — вот далеко не полный перечень ее работ с молодыми хореографами. Одна из последних — жена поэта в вокально-хореографическом спектакле А. Петрова «Пушкин», поставленном Н. Касаткиной и В. Васильевым. Наталья Николаевна в исполнении И. Колпаковой — поистине «чистейшей прелести чистейший образец». Образ, созданный балериной, особенно дорог нам тем, что отвечает представлению, сложившемуся в нас по письмам и стихам поэта, по воспоминаниям современников.

Ирина Колпакова — художник интуиции. В ней интересно воплотить разнообразие балетмейстерских почерков, художественных стилей, эстетических программ. И потому в ее репертуаре рядом с современными произведениями — хореография, воскрешающая романтические образы прошлого века. Танцовщице лирического склада дарования оказалась доступными образы жизнерадостной Китри в «Дон-Кихоте» и переживающей трагедию Джульетты в «Ромео и Джульетте», романтической Еабочки

из па-де-де Ф. Тальони, восстановленного П. Лакотом, и страстной Инфанти из миниатюры Л. Лебедева.

Чем объясняется такая широта возможностей? Откуда умение столь тонко и точно интерпретировать различные хореографические стили? Секрет прост. Он в преданности классическому танцу. И. Колпакова считает, что надо только понять выразительный смысл танца, исполнить хореографический опус как можно точнее. Осмысленность непременно влечет за собой одухотворенность, которая естественно выявляет индивидуальность, талант.

Недавно Ю. Григорович написал об И. Колпаковой: «Сегодня она лучшая классическая танцовщица в Ленинграде. Мы часто и с основанием говорим о достоинствах ленинградской традиции танца. Тому, кто хочет увидеть свойства этой традиции, надежнее всего посмотреть Колпакову в ее классических ролях». И действительно, зритель идет «на Колпакову» в «Спящей красавице», «Жизели», «Раймонде».

Классический танец — самый верный проводник чувств и помыслов балерины. Ее Аврора воплощает прекрасный и нежный, как юность, идеал, вечно живущий в сознании человека, его немеркнущее под натиском темных сил сияние, его конечное торжество и бессмертие.

В образе Жизели балерина покоряет благородством и чистотой чувств. Мудрость и простота, самоотверженность без обреченности, глубина переживаний без аффектации — вот отличительные черты ее Жизели, обрисованной в традициях русского исполнительства, обеспечившего бессмертие старинному французскому балету.

Искуснейшее владение техникой позволило И. Колпаковой отразить в виртуозном танце Раймонды все разнообразие музыкальных оттенков одноименного балета Глазунова. В вариациях балерины отчетливо выражена колкость пиццикато и кантиленность легато. В них мечтательность и кокетство, задумчивость и живость. Но привсем осязаемым разнообразием присущее артистке чувство гармонии приводит движения к глубокой внутренней соразмерности, сливая их в единое целое, в непроизвольно струящийся танцевальный поток. И гармоничность из качества танца перерастает в его глубокий смысл.

Один из фильмов об Ирине Колпаковой назывался «Волшебство». В искусстве балерины действительно есть что-то от волшебства, чуда. Оно просветляет, облагораживает. И чудо это сотворено трудом, талантом, бескорыстием в служении искусству.

Бесконечно преданная своей профессии, И. Колпакова ни-

когда в ней не замыкалась. Она была активной комсомолкой, стала коммунистом, делегатом XXIV съезда партии. Избиралась депутатом городского Совета народных депутатов и Верховного Совета СССР. Ее творчество знают и любят люди многих стран и континентов. Еще в 1965 году Колпаковой было присвоено звание народной артистки СССР. Сегодня мы поздравляем ее с присуждением Государственной премии СССР.

Сейчас она работает не только над своим репертуаром. Колпакова — наставник многих молодых балерин. Им она передает свои знания, им доверяет свои творческие помыслы и сомнения. В них видит продолжателей замечательных традиций ленинградского балета, которые так тщательно впитывала и так последовательно развивала сама.

М. ИЛЬЧЕВА

На снимке: сцена из балета «Легенда о любви». Ширин — И. Колпакова, Ферхад — С. Бережной. Фото Ю. БЕЛИНСКОГО (ЛенТАСС)